

АРХИТЕКТУАЛЬНОСТЬ РОМАНА РОБЕРТА НАЯ «СТРАНСТВИЕ “СУДЬБЫ”»

© 2006 А.А. Илунина

Воронежский государственный университет

Вопросы межтекстовых взаимодействий занимают центральное место в современном литературоведении. Анализ художественного произведения во всей совокупности его интертекстуальных связей позволяет увидеть в каждом тексте продолжение и, вместе с тем, переосмысление существующей литературной традиции.

Важнейшим видом межтекстовых взаимодействий по праву считается архитектурность как “соотношение текста со своим архитектуром”, то есть “абстрактной, трансцендентной всякому единичному тексту жанровой структурой” [4, 339-340]. По наблюдениям французского исследователя Ж. Женетта, автора самой признанной на сегодняшний день классификации интертекстуальных связей, каждое произведение создается писателем с опорой на определенную, уже существующую модель организации художественного текста, закрепленную рамками того или иного жанра или жанровой разновидности. Таким образом, любое произведение оказывается тесно связанным с огромным количеством текстов, имеющих сходную жанровую принадлежность.

В работах теоретиков архитектурности (Л. Женни, Дж. Фроу, М. Пфистер, С. Холфиус, Г. Аллен, Н. А. Фатеева, В. Е. Чернявская) неоднократно подчеркивалось, что писатели нередко стремятся выйти за рамки определенного жанра или его разновидности, модернизировать и видоизменить его. Некоторое количество произведений, по наблюдениям Ж. Женетта, “поначалу не подчиняется жанровой системе” [4, 339], однако смешение жанров или нарочитое пренебрежение ими уже содержит в себе залог их дальнейшего существования и развития. Результатом этой “революционной” деятельности писателей является то, что “жанры существуют, они живут, умирают, трансформируются” [4, 339], одним словом, происходит естественный процесс литературной эволюции. Все вышесказанное позволяет говорить о том, что “диалог с жанровой нор-

мой” [14, 54] или “диалог жанров” [12, 55], представленный в творчестве различных писателей как “взаимодействие конвенциональных норм и моделей текстопроизводства и отклонений от них, вариаций и трансформаций” [10, 108], составляет сущность межтекстовой коммуникации.

Роман Роберта Ная (р. 1939) «Странствие “Судьбы”» (1982) — это попытка воссоздать личность сэра Уолтера Рэли, одного из самых значительных деятелей английского Возрождения, фаворита Елизаветы I, поэта и ученого, путешественника и основателя колоний. Обращаясь к жанру исторического романа, современный британский писатель вступает в продуктивный диалог с устоявшейся моделью создания текстов этой жанровой разновидности, модифицируя устоявшийся жанровый канон в духе тенденций, характерных для нынешнего этапа развития литературы.

Начиная разговор о метаморфозах, которые претерпевает этот жанр под пером Ная, следует обозначить типологические черты исторического романа.

Хотя зачатки этого жанра можно найти и в произведениях, созданных в Средние века и эпоху классицизма (анонимный “Роман о Фивах”; “Полександр” Марен.Леруа де Габревилля; “Кассандра”, “Клеопатра, прекрасная египтянка” Готье де Кост де Кальпренед; романы Мадлены дю Складери и др.), основоположником и создателем классического образца исторического романа по праву считается Вальтер Скотт. Важнейшим достижением Скотта стал историзм — “изображение общественной жизни и индивидуального бытия людей в их определенности временем” [1, 28]. Писатель видел в истории движение, борьбу противоположных сил, стремился образно воссоздать прошлое, раскрыть существенные противоречия данной эпохи, позволяющие ему лучше понять современную действительность.

Хотя первоосновой романов Скотта обычно служили исторические документы, художник

оставлял за собой право по-своему интерпретировать тот или иной материал. Вместе с тем, допуская отступления и даже анахронизмы, писатель пытался прежде всего правдиво “воспроизвести духовную жизнь эпохи” [8, 284] и ее материальную культуру, воссоздать “исторический колорит”.

“Исторический процесс в романах Скотта показан преимущественно через частного человека, взятого в его взаимоотношения с историей” [6, 89]. Именно рядового, обыкновенного человека писатель делает центральным героем, противопоставляя его другим участникам исторического конфликта как носителя абсолютных нравственных качеств, не меняющихся от эпохи к эпохе. “Одной из важнейших пружин действия является любовная линия” [8, 428], помогающая раскрыть зависимость отдельной человеческой судьбы от судьбы общества, от поворотов истории — ведь именно победа прогрессивных сил определяет личное счастье героев. Противоборство различных общественных групп обуславливает череду приключений героев, придающих сюжету авантурный характер.

“Наряду с вымышленными персонажами в романах писателя действуют и герои, имеющие исторических прототипов, но они играют главным образом эпизодическую роль” [8, 324]. “Скотт не показывает крупных деятелей истории во весь рост, во всем богатстве и во всем многообразии их сложных связей с исторической действительностью” [6, 90]. Часто писатель сознательно упрощает их образы, идеализируя или, наоборот, принижая их.

Художественные принципы, сформулированные в исторической романистике Скотта, воплотились в произведениях многих писателей XIX века, хотя и претерпели в творчестве каждого из них известные изменения (А. де Виньи, А. Манзони, О. де Бальзак, А. С. Пушкин, П. Мериме, В. Гюго, Э. Бульвер-Литтон, Ч. Кингсли, Дж. Эллиот, Ч. Рид и др.) (см. об этом [8, 494]).

В историческом романе XX века весьма ощутима традиция, идущая от Скотта. В «Странствии “Судьбы”» Ная можно легко обнаружить черты, восходящие к традиционным образцам жанра, создателем которого был Скотт. В частности, в романе воссоздана атмосфера Англии конца XVI — начала XVII века с присущей тому времени борьбой противоположных сил, достаточно точно выписаны реалии быта, материальной и духовной культуры эпохи.

На наш взгляд, в своем романе Най реализует принцип, выработанный еще в творчестве Скотта: он стремится показать неразрывную связь отдельной человеческой судьбы и судьбы

всего общества, представить зависимость жизни главного героя Рэли, “славного его возвышения и трагического конца” [7, 53] от событий эпохи Елизаветы Тюдор и Якова Стюарта.

В романе Ная, как и у Скотта, присутствует авантурный сюжет. Это выглядит закономерным, ведь речь в произведении идет о судьбе Рэли, полной ярких событий, интриг, приключений, в которой головокружительные взлеты чередовались с падениями, а времена процветания и успеха — с периодами опалы и немилости.

Подобно романам Скотта, в «Странствии “Судьбы”» есть любовная линия, связанная с отношениями Рэли и его жены, Рэли и королевы Елизаветы, фаворитом которой наш герой был долгие годы. Следует отметить, однако, что, в отличие от Скотта, Най показывает романтические отношения не вымышленных персонажей, а героев, имеющих исторических прототипов.

Таким образом, «Странствие “Судьбы”» Ная сохраняет в определенном смысле связь с вальтер-скоттовским историческим романом, однако в произведении отразились и многие из тех изменений, которые претерпевает жанр в творчестве писателей XX века. В прошедшем столетии “многообразие форм художественного освоения исторической действительности не вмещается уже в узкие жанровые рамки, очерченные некогда в творчестве “шотландского чародея” [2, 9]. Наряду с традиционным вальтер-скоттовским типом исторического повествования возникают новые художественные модели, отражающие тенденции современного литературного процесса, новые философские подходы к проблемам времени и истории.

Уже в конце XIX — начале XX века писатели обращают внимание на тот факт, что классический исторический роман не давал возможности показать крупных деятелей прошлого во всем богатстве и всей сложности их личности. Поэтому с конца XIX века в исторических романах постепенно деятели истории из фабульной тени перемещаются на основную сценическую площадку (“Фараон” Б. Пруса; “Юность короля Генриха IV” и “Зрелые годы Генриха IV” Г. Манна; “Мария Стюарт” и “Магеллан” С. Цвейга; “Мартовские иды” Т. Уайлдера; серия “Проклятые короли” М. Дрюона и др.). Особенно часто внимание писателей привлекают творческие личности (“Лотта в Веймаре” Т. Манна; “Гойя, или Тяжелый путь познания”, “Мудрость чудака, или смерть и преображение Жан-Жака Руссо” Л. Фейхтвангера и др.). В большинстве случаев соотношение героя с реальным историческим лицом не играет ключевой роли, художники используют образы великих деятелей прошлого, чтобы поставить и решить волнующие их совре-

менные проблемы — философские, нравственно-этические, религиозные. Однако очевидно, что на авансцене теперь находится уже не рядовой участник исторического процесса, а реальный деятель прошлого.

Най также ставит в центр своего произведения крупную историческую личность. Главный герой «Странствия “Судьбы”», как было уже сказано, имеет четко обозначенного прототипа. Перед нами — не только видный государственный деятель, но и яркая творческая личность, выдающийся философ и поэт, чьи стихи пользовались успехом у английских гуманистов.

Возрастание в XX веке интереса к личности, стремление искусства увидеть в “человеке не только главный объект, но именно центр, сосредоточие и одновременно ракурс, в котором рассматривается вся картина действительности” [5, 384], повлекло за собой значительную перестройку повествовательных жанров, в том числе жанра исторического романа, предопределив изменение соотношения героя и рассказчика в литературе. Причины широкого распространения в прозе XX века, в том числе исторической, произведений, написанных от первого лица, исследователи видят в “повысившейся роли субъективного начала в искусстве” [3, 534]. Следует отметить, что такая форма повествования является в определенной степени традиционной для исторической романистики. Однако и в классических образцах жанра, созданных в творчестве Скотта, и в большинстве современных романов, рассказ о событиях передоверяется персонажу более или менее второстепенному, часто неисторическому. В то же время, в XX веке появляются произведения, в которых делаются попытки рассказать о прошлом из кругозора выдающихся людей ушедших веков (“Я, Клавдий” и “Божественный Клавдий” Р. Грейвза; “Воспоминания Адриана” М. Юрсенар; “Полые холмы” М. Стюарт). Для этих романов характерен больший, нежели чем в творчестве Скотта, психологизм, стремление показать динамику внутренней жизни общественного деятеля или художника прошлого, глубже раскрыть сущность его духовных исканий.

Подобный повествовательный прием мы находим и в «Странствии “Судьбы”». Роман написан от первого лица: Уолтер Рэли выступает в роли рассказчика, который излагает события собственной жизни. Произведение представляет собой дневник сэра Уолтера, якобы написанный им в последние месяцы жизни и соединяющий в себе анализ современных событий и воспоминания о прошедших годах. Повествование от первого лица позволяет писателю рассказать о душевном состоянии Рэли в один из кризисных моментов

жизни, связанных с осознанием им себя и своего места в мире, подведением жизненных итогов, и, создав иллюзию правдоподобия психологической картины, во всех нюансах показать внутренний мир главного героя.

На наш взгляд, выбор формы повествования от первого лица предопределен в какой-то степени самой личностью сэра Уолтера Рэли. Особенность «Странствия “Судьбы”» состоит в том, что имя и основные вехи жизни прототипа главного героя произведения отлично знакомы английской публике. Внимание читателя сосредотачивается, таким образом, не столько на перипетиях развития авантюрного сюжета, сколько на том, каким образом Най рассказывает уже знакомую, за вычетом частностей, историю. Писатель стремится воссоздать внутренний мир героя и, показав Рэли не как государственного деятеля, а прежде всего как частного человека, продемонстрировать, каким образом в процессе написания дневника происходит раскрытие разных граней личности героя.

Еще одной особенностью исторического романа XX века следует назвать тяготение его, как и других жанров современной литературы, к философской проблематике, к притче. Авторы заняты не столько реставрацией прошлого, сколько поисками того универсального, вневременного, что сближает духовные искания людей разных эпох. “Исторический роман превращается в форму интерпретации жизни, в замыслах художников все отчетливее прочитывается онтологический аспект” [1, 18]. Тяга к философичности влечет за собой появление условных художественных форм, метафорических построений, смелое слияние истории с легендой, мифом, сказкой. “Притчевый характер повествования” [9, 48] отличает и анализируемый нами роман Найа. Последнее странствие Рэли на борту корабля “Судьба” выступает как аллегория человеческой жизни, долгого и трудного пути в мире, во многом враждебном герою; пути, суть и содержание которого каждый выбирает сам. Философский план позволяет повествованию выйти за рамки конкретной исторической эпохи, подняться на уровень более широких обобщений.

Упрочиваются в XX веке и связи исторического романа с наукой. По-новому решая вопрос о соотношении научного и художественного способов познания, писатели все чаще вводят в произведение элементы документализма, стремясь не только представить читателю творчески переработанный итог своих изысканий, но и, ознакомив его с первоисточниками, включить в процесс осмысления реального материала. “Историко-биографический роман особенно охотно и естественно поглощает научную информацию,

ищет новые пути введения документа” [1, 139]. Най включает в свой роман многочисленные документы эпохи: письма Рэли, его стихи, отрывки из произведений его современников.

В контексте культуры последней трети XX века, в частности, в рамках эстетики постмодернизма, идет активное взаимопроникновение искусства и науки. Популярность приобретает тезис о неизбежной художественности всякого мышления, в том числе теоретического. С этой точки зрения наиболее адекватное постижение действительности принадлежит не столько науке с ее логическими построениями, сколько интуитивному “поэтическому мышлению”. В литературе эта тенденция проявляется во взаимодействии “серьезных” жанров, таких как научное исследование, и жанров литературы собственно художественной. Как критики и писатели в одном лице выступают многие современные авторы, например, У. Эко, П. Акройд, Д. Лодж, М. Брэдбери. Данные тенденции воплотились и в творчестве Най, многие годы исследовавшего жизнь и творчество Рэли в качестве ученого-литературоведа. Опыт писателя, сочетающего литературное исследование и романное повествование, способствует свежему восприятию фактов, новой интерпретации событий. Прекрасно знакомый с документальными источниками и обладающий опытом научного исследования личности и творчества Рэли, Най стремится точно воспроизвести факты его биографии, но, по-новому организуя их, акцентирует внимание читателя на процессе возникновения того нового, что появилось в результате работы со старым материалом.

Многие трансформации, которые претерпевает жанр исторического романа под пером Най, также обусловлены связью писателя с эстетикой постмодернизма. Историческое знание, в течение долгого времени претендовавшее на некоторую истинность, теперь полностью уравнивается с литературой — художественным вымыслом, исходя из очевидной тождественности лежащих в их основе нарративных принципов. Доступное в виде текстуализированного прошлого, оно, как утверждают постмодернисты, существует по законам художественных текстов и в качестве основного объекта ссылки имеет, прежде всего, другие тексты — ведь все свидетельства о прошлом, которыми располагает современный человек и на основе которых он конструирует свое представление о минувшем, наличествуют только в виде артефактов и текстов, которые прочитываются, подвергаясь различным интерпретациям (см. [11, 13]). Культурные представления и знания, в немалой степени под влиянием средств массовой информации, утрачивают связь с объек-

тивной действительностью, которую они должны копировать, и превращаются в симулякры (Ж. Бодрийяр), замещающие реальность. Писатель конца XX века не может быть уверен, что прошлое было именно таким, каким его описывали историки и авторы предыдущих поколений. Действительное событие прошлого находится на грани факта и вымысла, до него трудно добраться через наслоения предыдущих интерпретаций. В силу этого, для многих современных писателей интересен не столько факт действительности, в том числе исторической, сколько его последующие интерпретации. По образному выражению Л. Хатчеон, “репрезентация истории становится историей репрезентаций” [13, 239].

Выбирая в качестве прототипа главного героя своего романа сэра Уолтера Рэли, фигура которого окружена целым комплексом представлений, стереотипов, диапазон оценок которого в разные годы колебался от полного неприятия до абсолютного возвеличивания и романтизации, судьба которого становилась материалом для огромного количества научных и литературных текстов, Най задается вопросом, насколько правомерным можно считать полное и безграничное доверие какой-либо одной из трактовок, версий его жизни. Своим романом Най демонстрирует, что каждая из интерпретаций судьбы Рэли относительна — только их сочетание может приблизить читателя к правде. Писатель создает ситуацию, в котором сам герой стремится разобраться в своем прошлом и настоящем, понять смысл и значение многих событий. На глазах читателя идет процесс самопознания, постоянной самокоррекции, проверки оценок. Создавая текст, Рэли тем самым пытается понять себя, выстраивает свою личность. В этот процесс вовлечен и читатель: он вместе с героем ищет верный путь в лабиринте нескольких версий реальности. Парадоксальным образом многие трактовки личности сэра Уолтера, абсолютизовавшие одну из черт характера Рэли, оказываются в какой-то степени верными — они отражают одну из граней его души, созвучны каким-то событиям его жизни. Демонстрируя несостоятельность каждой отдельной интерпретации, претендующей на то, чтобы быть истиной в последней инстанции, Най создает образ сложной неоднозначной личности, в жизни и характере которой светлое причудливо переплетается с темным, славное — с недостойным. Тем самым писатель стремится пересмотреть существующие мифы и стереотипы, помогает читателю уйти от “абсолютных” истин к более сложной, множественной картине мира.

Сохраняя в романе «Странствие “Судьбы”» ряд черт, свойственных традиционному вальтеру-

скоттовскому типу исторического повествования, как то связь с конкретной исторической эпохой, духовная атмосфера и материальная культура которой воссоздаётся в произведении, показ истории через судьбу отдельного человека, наличие авантюрного сюжета и любовной линии, Роберт Най в то же время заметно модифицирует архетип жанра. В числе трансформаций, которые претерпевает жанровый канон под пером писателя, следует отметить обращение к фигуре крупного исторического деятеля; организацию повествования от первого лица; смелое введение в ткань произведения реальных документов, совмещение в романе художественного повествования и литературоведческого исследования, отражающее стирание граней между традиционными жанрами науки и искусства; интерес автора к философской проблематике; стремление по-новому, уйдя от устоявшихся в массовом сознании мифов и стереотипов, осмыслить реальность, в том числе историческую. Анализ романа «Странствие “Судьбы”» в свете его архитекстуальных связей наглядно демонстрирует перспективные направления развития жанра исторического романа в современной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баканов А. Г. Современный зарубежный исторический роман / А. Г. Баканов. — Киев: - Вища школа, 1989. — 182 с.
2. Варфоломеев И. П. Типологические основы жанров исторической романистики / И. П. Варфоломеев. — Ташкент: ФАН, 1979. — 169 с.
3. Днепров В. Д. Черты романа XX века / В. Д. Днепров. — М.-Л.: Сов. писатель, 1965. — 548 с.
4. Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике / Ж. Женетт // Собр. соч.: В 2 т. — М.: Изд. им. - Сабашниковых, 1998. — Т.2. — 469 с.
5. Затонский Д. В. Искусство романа и XX век / Д. В. Затонский. — М.: Худ. лит., 1973. — 536 с.
6. Ленобль Г. М. История и литература / Г. М. Ленобль. — М: Худ. лит., 1977. — 301 с.
7. Нестеров А. А Игра о сэре Уолтере Рэли, славном его возвышении и трагическом его конце / А. А. Нестеров // Литературное обозрение. — 1997. — № 5. — С. 53-59.
8. Реизов Б. Г. Творчество В. Скотта / Б. Г. Реизов. — М.-Л.: Худ. лит., 1965. — 498 с.
9. Струков В. В. Художественное своеобразие романов Питера Акройда (К проблеме британского постмодернизма): Дис. ... канд. филол. наук / Владимир Вячеславович Струков. — Воронеж, 2000. — 182 с.
10. Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — № 1. — 2004. — С. 106-115.
11. Jameson F. Postmodernism or, the cultural logic of late capitalism / F. Jameson — Durham: Duke University Press, 2001. — 440 p.
12. Holthius S. Intertextualitat / S. Holthius. — Staufenburg, 1993. — 120 p.
13. Hutcheon L. Telling stories: fiction and history / L. Hutcheon // Modernism / Postmodernism / Ed. by P. Brookner / — London, 1992. — P. 34-67.
14. Pfister M. Konzepte der Intertextualitat / M. Pfister // Intertextualitat. Formen. Funktionen. Anglistische Fallstudieren. — Tibungen, 1985. — P. 56-65.

Рецензент — Т. Г. Струкова.